

18+

Юрий Голодняк

ПОЭМЫ И СТИХОТВОРЕНИЯ

Юрий Голодняк

Поэмы и стихотворения

«Издательские решения»

Голодняк Ю.

Поэмы и стихотворения / Ю. Голодняк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-672614-7

Лирические стихи автора очень проникновенные — чувственные и трогательные, ироничные и смешные. В книге впервые опубликованы поэмы о сущности человеческих дерзаний, понимании любви и высокой цене поступков, а также избранные стихи. Автор проявляет возвышенные эмоции для наиболее точного отображения движения, полета... и предлагает читателю открыть для себя новые стороны человеческой сущности, допустив возможное и невозможное, почувствовать себя участником происходящего. Автор живет в г. Пермь.

ISBN 978-5-00-672614-7

© Голодняк Ю.
© Издательские решения

Содержание

Небо	6
1. Пролог	6
2. Не странные предвестия	8
3. Летчик	11
4. Анастасия	14
5. Полет	17
6. Эпилог	24
Пачули	25
Пачули1	25
Веселые сойки	27
Закат морской	30
Закат на бульваре	32
Свежее утро	35
Верное море	37
В ресторане	39
Гневное море	43
Мой дом	45
Новая встреча	48
Рыбачка	50
Морская помолвка	52
Заключение	54
Иуда – сын человеческий	55
1. Пролог	55
2. На Холме	57
3. Иуда из Кериофа	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Поэмы и стихотворения

Юрий Голодняк

© Юрий Голодняк, 2025

ISBN 978-5-0067-2614-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Небо Поэма

1. Пролог

*Небо – это не предел,
это только начало.*

Роберт Хайнлайн

I

Размахом Неба голубого
Стихии мира рождены,
В плену величия живого
Все к Небу мы обращены.

В глубинах девственных просторов
Разлита бездны синева.
Когда вышин бушуют волны,
Безмолвствует морская глубина.

Нет ближе Образов, чем в Небе,
Свечей задранных в озере ночном.
Стихают ковылем сухие степи,
Когда хорал Небесный над холмом.

Вихров Небесных притяжение
Сильнее тяжести земной.
Один полет – и жизнь в томлении,
В тоске по тверди голубой.

В ясном Небе – необъятность,
Необъятность наших глаз.
В чистых взорах – безвозвратность,
Небо, вобранное в нас.

Перед нами только Небо,
И его желанней нет.
Ледяною гладью света
Бережет нас сотни лет.

II

Здесь начинаю свой рассказ,
Дань жизни оставляя властной,

Любви земной, что в Небесах
На подвиг вдохновляет страстный.

Рожденный крыльями взмахнуть,
Небесным Рыцарем отмечен —
В потоки Солнца окунуть
Его пылающие плечи.

Всё начинается с рассвета —
И день случайностями полон,
И думы, ждущие ответа,
Что сном капризным уготован...

III

Ушла гроза, открылись створы,
Затих усталый гул тревожный.
Но деревья хранят тяжелый
Стон после бури суматошной.

Вот слышен свежий ветерок.
Он тучам скромно поклонился,
Расправив свой воротничок,
И тучный говор удалился.

Заря лучами дотянулась
До небосвода и луны,
И позолотою прильнулась,
Еще не выйдя с глубины.

Блеснули крыши позолотой,
И в куполах проснулся звон.
Стрижи с оставшейся зевотой
Вбирают утренний разгон.

И поднимаясь выше, выше...
Откуда видна глубь земли,
Увидят – шар огромный дышит,
Восходит в розовой пыли.

2. Не странные предвестия

IV. Предвестие первое. Рассвет

За ночью бурной и ненастной
Не ждали благостный рассвет.
Все подчинились буре властной —
Ночь, время, темно-красный цвет.

Петух пропел уж трижды важно
В своем гареме потаенном.
Рассвета нет. Лишь вой протяжный
В небесном дне заговоренном.

Но вот в лиловом далеке,
У края купола стального,
Как будто в пристальном зрачке —
Луч света бледно-голубого.

Лег нежно в спящие глаза,
Зов неба растворил в сознании —
Твоя закончилась гроза.
Чудесный свет в твоём свидании.

Открыл глаза, пред ним напротив
Вся солнцем залита стена.
Развел руками в стиле сонном —
Как на экране два крыла...

Взмахнули крылья и исчезли
Вместе со светом на стене,
Но кто-то мысль над ним подвесил
О свете чудном в глубине...

И что-то было в этом вещее,
Чем не могла мечта отважиться.
Безумство воли, даль безбрежная,
Рассветом солнечным окрашена.

V. Предвестие второе. Сон

День завершился, как обычно,
Спокойно, в меру суеты.
И зной прохладой привычно
Отправлен почивать в кусты.

Листва грозою задышала,
Деревья сгрудились плотней.

Ночная птица прокричала,
И капли бросились за ней.

Иван решил уснуть пораньше,
Ведь завтра утренний полет.
Он офицер, всегда на марше,
Но все же трепет выдает.

Уснул.
Украдкой к постели —
Жена разделась и легла.
Услышал: в топоте капли
Гроза незваная зашла.

Но не проснулся, только скинул
Оцепенение с груди —
Тупую, тяжкую махину
Пред неизбежным впереди.

Вдруг задышалось глубоко и сладко,
В такт с переливами ненастья —
Словно волной поднялся гладкой
Катиться в бесконечной страсти...

И понял смысл в разбеге этом —
Волною меряя безбрежность,
Взлетая, падая под светом, —
Уйти в живую беспредельность!

VI

Ненастье щеголять устало,
Волна постигла глубину,
И теплым дождиком объяло
Сна роковую пелену...

Будто проснулся на рассвете
В знакомом зале, но чужом...
Здесь всё его – блокнот в жилете...
И всё же жутко в зале том.

Он осторожно вышел к свету,
Слепая спала пелена.
Большая дверь вдоль по паркету,
Большая белая стена.

Вот дверь открыта... Столько света
Иван не видел никогда!
Простого утреннего света,

Что льет рассветная звезда.

Там песня тихая звучала,
Иван как будто ее знал...
В утробе матери, скучая,
Он мамы голосу внимал.

Ступил... и в том огромном зале,
Под бледно-голубым огнем,
Живые конусы стояли
И что-то думали о нем.

Большие белые ворота
За ним закрылись в тот же миг,
Но Ваня не жалел об этом —
Волнение страстное постиг.

Вторую белую махину
Открыл он с легкостью юнца —
Как хорошо! Какое диво!
Не шел – скользил по дну дворца.

Он побежал в чудесном зале,
Раскинув руки, крыльям в стать,
И словно воспарил в запале,
Ногами пола не достать...

Такой немислимой свободы
Не знала легчика душа!..
А за окном уже восходит
Светило, пивней всполоша.

3. Летчик

VII

Вот и рассвет, роса искрится,
И сновиденья, как туман.
Но наяву всё что-то мнится...
Полет и солнце – не обман?

Взглянул на улицу – немая
Летела птица вдалеке.
Крадется кошка, выбирая
Места сухие на траве.

Никто не думал пробуждаться.
И только солнце молодое
Хотело с кем-нибудь обняться.
Одно оно и есть живое.

Так ласково оно глядело...
Глаза прищурить не хотелось.
Лучами вымолвить сумело —
А долететь найдется смелость?

И тут же в солнечном сплетении
Дыхнуло чувство неземное,
Такое странное волнение,
Волнение...
Волнение – какое!..

Тогда подумалось Ивану,
Что с солнцем можно говорить.
И откровенно, как в романе,
Святую тайну разделить.

И смысла в том совсем не меньше,
Чем в разговоре с человеком.
Ведь солнце может человечней
Понять и молча докумекать.

VIII

Иван прикрыл глаза от капель,
Что луч оставил на ресницах, —
Увидел летчик-испытатель
Себя в ребяческих зарницах.

Всё детство Ваня ждал полета

На небо, в космос, на луну.
Прыжок отчаянный... с комода
Восторга крик дарил ему.

Потом деревья, крыши дома —
Мечта рождалась и выросла.
И стала в нем настоль весома,
Что всем пожертвовать велела.

За перелет в соседний дом
Готов поставить всё на кон.
К тому же в доме том жила
Настёна, девочка одна.

Поздней, в ученьях на Урале,
С разбегом первого полета,
Когда в висках столбы вбивали,
Мечтать и думать неохота,

Он вспомнил этот дом заветный —
Волненья, сотворенные мечтой,
Забвение в предчувствии мгновенья,
Зовущего полета над землей!

IX

Любуясь бездны синевою,
Не видел воздух в высоте,
Лишь небо есть над головою:
«Подняться в воздух — не по мне».

Извечной целью устремлений,
Исканий смыслов и надежд,
Не воздух и не атмосфера —
Небесный омут был для всех.

Любой боится из людей —
А Ваня знает офицеров —
Отдаться смерти без идей,
Любви или священной веры.

Никто б не захотел лететь,
Будь наверху банальный воздух.
Он для вдыхания — пьянеть
Прелестным запахом черемух.

Так летчики во злобе дня
Любили посудачить о высоком.
Большое было в них всегда,

Иван их обращал к истокам.

Иван моложе был других,
Но мысли старше были многих.
Любовь и дружбу находил
Товарищей, к морали строгих.

Был у Ивана несомненный дар —
Умел молчать невинно и приятно.
Беседа, даже перейдя в разгар,
Складна была невероятно.

Определенностей любезно избегал,
Ответам «да» и «нет» не делал выбор.
Их в разговоре ловко заменял
Спокойною и ласковой улыбкой.

Предпочитал выслушивать других
И мнением своим не наслаждался.
Кто, в карты проигравшись, подходил —
От горестей своих освобождался.

Был предан небу и своей жене,
Молоденькой красе Анастасии.
Что в небе оставлял, она вдвойне
Любовью заполнять могла красивой.

4. Анастасия

Женская догадка обладает большей точностью, чем мужская уверенность.

Р. Киплинг

X

Иван в то солнечное утро
Был ясен, мало говорил.
Особым светочем лазурным
Свое волненье возносил.

Тем сном навеяно волнение,
Тем радостным, непостижимым чувством,
Высоким, не приемлющим сомнения...
Так солнце наполняет безрассудством.

Его слепое возбуждение,
Как и всегда, передалось жене —
Ушло дурное наваждение,
Всю ночь гремевшее в окне.

Ее любовь дала в награду
Уменьше отводить беду.
А небо видит, как отраду,
Приятность мужу своему.

Анастасия знала небо —
Дном перевернутую чашу,
Где глубиной с водою Небыль
Сияла голубым пейзажем.

Она безмерно верит мужу,
Любая буря ей скучна.
И чем страшнее будет лужа,
Тем выше на руках она.

Теперь, налив супругу чаю,
Смотрела в растворенное окно
На неба синеву, не замечая —
Глаза лазурным пламенем зажгло.

XI

Иван был молод и красив,
Чуб темно-русый, с карими глазами.
В свои чуть тридцать совершил

Сорок полетов небесами.

Ему жена, Анастасия,
В награду Небом отдана
За преданность стихии синей
И будет век ему верна.

О силе этого Знаменья
Ему старушка донесла,
И глубина его значения
В Небесном дне заключена.

В Писаньях вечных Настасия
Знак возрождения несла
От дней земных перипетии
К Высоким формам бытия.

Она своей любовью светлой
И Солнцем ведала одна
О Воскрешении Небесном.
Была спокойна и ясна.

Она была до слез земная —
Березок робкая листва,
Ромашек прелесть луговая,
Росы ночной голубизна...

Иван любил ее, как роскошь,
Как дар Небесный, Божью стать.
Берег, как дочь, учил не сложно,
Давал собою управлять.

Ценил он Настино уменье
Быть женщиной и мужнею женой.
Ее талант и вдохновенье
Всегда ославлены луной.

XII

Настя сама красой сияла —
Вязала светло-серым взглядом.
Пшеничным ветром накрывала
Чело и плечи мягким спадом.

В ней нежность обжигала взоры,
А губы ждали поцелуя.
Великолепные узоры
Походки, плавностью чаруя.

Ее чувствительности спелой
Мог позавидовать цветок.
От всплеска счастья вмиг краснела
И жала к носику платок.

Ивана сразу полюбила,
Сорвался с губ ее ответ.
Сынка любимому родила.
Ей в эту пору – двадцать лет.

Настя во всем встречала счастье —
В улыбке утренней его,
От пальцев крепких на запястье,
И даже взгляда одного.

Она ждала и не боялась,
Что с Ваней крыльям нелегко.
И каждым разом умилялась
Обманам ласковым его.

И счастье укрепилось твердо
Привычкой, сутью жизни в ней.
Не стали волновать полеты —
Любовь не знает пропастей.

Ведь счастье не приемлет смерти.
Смерть – лишь рождение в нови.
А Ваня там, где нет ненастий...
И не бывает счастье другим.

5. Полет

*Верь в свой полет,
и небо не закончится никогда.*
Саша Крамар

ХШ

Его бесстрашный оптимизм
Не допускал никчемных мыслей,
Что у короткой его жизни
Могли отнять важнейший смысл.

Но в теле жил еще один.
То ли он мудрый был безмерно,
То ль оробевший был кретин,
Страшился трепетно и мерно
В час предполеточных рутин.

В то утро, полное волнений,
Глубоких, радостных видений,
Иван не мог определить,
Как сон на явь переложить.

Но сбоку от себя увидел:
Волос пшеничное пятно,
Плечей касанье неприкрытых,
Дыханье в сон погружено...

И сразу понял всё и вспомнил:
Сегодня третье число,
Что свет июльский день наполнил,
И время подвигу пришло.

Себя спросил, не страшно ль в небо,
Секунду выждал – тот молчал.
«Не знать тебе дверей победных.
Свободен!» – чуть не закричал.

Вчера сыночка Даньку Настя
Учила ножками ходить.
Он падал, снова поднимался...
Не мог его остановить.

«Тебе смешно, а вот ему
Два шага сделать – в радость, —
Сказала Настя посемеру. —
А ты летишь лишь потому,

Что в небе падать – благость».

XIV

Когда Ивана вместе с Настей
Встречал большой аэродром,
На небе точно строй вихрастый
Корветов, полон парусов.

Красуясь с видом нетерпения,
Звенят, как струны, удила.
И в ореоле вдохновения
Сияют крыльев зеркала.

Сегодня смотр у эскадрильи,
Парадом гвардия пройдет.
А верхом будет представленье —
Кто солнцу честь отдаст вперед.

Взглянула Настя нежно, ясно:
«Ты будешь выше, знаю я».
Он видел, как она прекрасна!
Ответил: «Я люблю тебя».

Призы всегда искали Ваню,
Редчайший случай – не нашли.
На небе он и смерть обманет,
Зловеще ждущую вдали.

Друзья любили его слепо —
Умен, бесстрашен, ценит жизнь.
И безмятежно жаждет неба.
Пред ним и Богом Ваня чист.

Друзья все тут же обступили
Ивана дружески обнять.
И Настю как-то отгеснили,
Должна теперь одна стоять.

И странно было ей и ново —
Одна стояла на траве.
Улыбка смутная и вдово
Взгляд задержался в стороне.

Вдруг стали влажными глаза,
Не от обиды, а от счастья.
А пред глазами Образа

На небе стали появляться...

XV

Вот объявили построение.
Иван со шлемом подбежал,
Едва коснулся губ... и рвение
Его поставило в отряд.

Тот поцелуй – лесной былинкой
Любви оставил лепесток,
Той сладострастною пылинкой,
Что дарит легкий ветерок.

И поняла Анастасия,
Что не знавала никогда, —
Нет в поцелуе крепче силы,
Той, что нахлынула тогда.

Вдруг ее грудь остановилась —
Так стало пусто на земле...
Вокруг всё плыло, суетилось,
Но неживое, как в стекле.

Мотора шум вернул дыхание —
Иван пространство округлил,
Крылом, как шляпой на прощание
Свое почтение раскрыл.

XVI

Сначала – над аэродромом:
Толпа – чернильное пятно,
На красочном листе альбомном
Живыми брызгами легло.

А рядом лес, в тени прохладной
Как хорошо сейчас гулять.
Накрыл листву улыбкой мягкой —
Вон там грибы должны стоять.

Стал подниматься выше, выше...
Мгновенье только пронеслось,
А он уже иное слышит,
И сердце будто заждалось.

Ведь здесь была его стихия,

Легка, прозрачна и чиста.
И с возрастающей силой,
Как боль, пронзила высота.

Даже дыханье захватило,
От счастья слезы на глазах.
Как это здорово, как мило...
И облака в немых снегах.

XVII

Иван не стал смотреть на землю
С ее цветами и травой,
И с преходящей любовью,
И робкой радостью земной.

Как жгуч и ясен дух небесный!
К земному равнодушен Рок.
Давно на тверди было тесно
В свинце поношенных сапог.

Как ненавистны были сердцу
Дорог проложенных ряды.
В умах – нелепости инерций
В химере общей борозды.

Не слушал юным наставлений
О предначертанном пути.
Чурался мертвых направлений,
Застывших мыслей впереди.

Расправил плечи в вольном беге
Божественно свободной красоты.
Сама открылась в чистой неге
Дорога бесконечной высоты.

Он и крылатая машина —
Отныне целое одно.
И крыльев крайняя щетина —
То пальцы чуткие его.

И осязал концами крыльев
Он свежесть рвущего потока,
Лучей мятущих изобилье —
Гонцов всесильного Пророка.

В восторге яркого волненья
Глаза закрылись на мгновенье.

Как в зеркале увидел жар —
Блится крыльями Икар.

С его волос слетают искры,
Крыла стремительны и быстры.
Он предан солнцу навсегда,
Безумец – Человек-звезда!

XVIII

Иван открыл глаза, и тут же
Взгляд оказался на земле:
«Вот и сбылся мой сон досуже,
Большая дверь открыта мне!

Я вновь в величественных залах,
Наполнен счастьем свет в окне.
И в этих солнечных порталах
Никто не нужен больше мне!»

Казалось, что-то увидела
В архипелаге облаков
Анастасия, заморгала.
«Ванюша!» – разлетелся зов.

Вдруг с ужасающей силой,
С щемящей болью ощутил
Любовь накрывшего прилива
К той, кто женою раньше был.

И вспомнил Ваня образ милой,
Любимой Настеньки своей.
И светло-серый взгляд счастливый,
Губ преисполненных ночей.

Ее дыханье на подушке рядом,
Приятно бледная щека.
И запах утренней лаванды,
Что от волос волна несла.

«Милая», – подумал, дрогнув сердцем.
«Родная, я люблю тебя», —
Сказал, и затворилась дверца.
Пред Солнцем клонится Земля.

XIX

К Светилу страсть не отпускала!..

Будто не в сердце, а в душе
Она давно существовала,
И миг настал ее изгнать...

«Как я люблю тебя!» – летело...
Иван отдался ей всецело...
Любовь – оставит без ума,
Всё сможет выразить сама.

Он был под небом так высоко...
Что небом стал ультрамарин.
И от земли до бездн глубоких
Зов Солнца нес лишь он – один!

Солнце то нежно улыбнулось,
То взгляд серьезен был в укор,
То вдруг от ветра отряхнулось,
В глаза направило свой взор.

Иван готов к такому взгляду,
Он ждал его и вверх тянул.
Тот взгляд в упор – он как награду
Принял, глазами не моргнул.

И этим взглядом разразился,
Так близок драгоценный Приз!
То под окружностью кружился,
То падал, обрываясь, вниз.

Громосвистящею ракетой
Понесся к Солнцу, прямо ввысь.
«Там Бог, там цель Его завета —
Убей, о Боже!.. И возвысь...»

И вновь постиг себя звездой!
Горящим ливнем из волос,
С прядями цвета голубого —
К земле, на крыши пролилось.

На крыше мальчик набегает,
Чтоб через дом перелететь.
Разбег, прыжок... перелетает!
Рукою машет вверх в ответ.

«Мое дитя, твоей мечтою
Мне покорила Бесконечность.
И мы с тобой, одной звездой,

Ворвемся в счастливую Вечность»!

И по лицу бежали слезы,
Катились ясною росой...
Волнение превосходило грезы...
Волнение...
Волнение – какое!..

6. Эпилог

XX

Блаженный, кто любовь земную,
Не исчерпав ее волнений,
Смог растворить в любви Творений
Небес и Солнца – страсть слепую.

Монах, познав любовь Святую,
Чтоб сохранить ее блаженство,
В пещеры шел, под твердь глухую, —
И в Небе видел совершенство.

Решая вечную проблему
Предназначенья человека,
Мы в жертву-дар Большому Шлему
Себя бросаем век от века.

Пачули Поэма

Пачули¹

I

Когда моей душе мятежной
Печали застыт небосклон,
Я жду волны попутной, спешной
В благой безмолвный полусон.

Живя в стихии страсти смутной,
Не помещается во мне
Душа в открытости беспутной,
Зовущей к далям в глубине.

Там Бог в лазурном аналаве
Меня знаменьем освятит,
В исповедальном Синем храме
Распятьем тело опалит.

Тем отпечатком очищение
Пройду в лазуревой гряде.
В глубинных высях вызволение
Найду рассудку и воде.

Цвета просветленного мира
Лелеют смысл времен Адама,
Непостижимости Кумира...
Там нет цветов земного хлама.

II

Необычно двуцветное море
Этим летом встречает рассвет,
Будто солнечный луч в сонном створе
Исполняет живой триолет.

Лодка в море, фонарь освещает
Оживленные лица людей,
А в зрачках лунный свет затевает
Озорство предрассветных страстей.

---

¹ Пачули – цветковое ароматное растение, афродизиак, произрастает в Индии и других тропиках.

Я – на веслах, рыбак и извозчик,
Мне постелью морская волна.
Я безбрежных лазурей невольник,
Знает плечи мои глубина.

Гладь морская в белесой глазури,
Бисер звездный искрит в округах.
В ожидании огненной бури
Звук неясный звучит в небесах.

Горизонт обозначился ярче,
Позолота – дугой из воды...
Брызги желто-звнящего танца
Ослепили луну и зрачки.

Третьим сполохом бледно на небе
Отразилось лицо, как в стекле...
Милой женщины в платье белом,
Что в закате пригрезилась мне.

Отражение нежного взгляда
Лунным светом над морем легло.
Все затихли... Фонарь без заряда
Отключился в мгновенье одно...

Веселые сойки

III

Солнце быстро из моря всплывает
В здешних, жаждущих зноя, местах.
Море блестками с небом играет,
Чайки с криками реют в ветрах.

В море чайки мне верные слуги,
Видят всё с голубой высоты.
Мы на лодке проводим досуги,
В рыбной трапезе нету тщеты.

Я беру свои верные вёсла,
Шар в зените уводит домой,
В мою хижину, с соснами возле,
Где холодный родник под скалой.

На сосне вездесущие сойки
Раньше всех окрыляют зарю.
Соловьем заливаются звонко,
Чуть завидят рубаху мою.

Дуновением ветра тревожным —
Вмиг закаркают черным зверьем.
Захотят приласкать осторожно —
Замякают в доме моем.

Сойки очень умны и красивы
И владеют общением со мной.
Несравненно они говорливы,
Я даю им уроки порой.

Научились копировать слоги,
У одной получались слова.
И теперь говорят мне: «Георгий,
Почему ты один, как сова?»

Почему ты мечты и желанья
Растворяешь в соленой тверди?
Ведь любовь твоя жаждет страданья
На цветущей девичьей груди...

Только чайки способны оттяпать
Долю нежности к крыльям своим,
Только волн серебристых ухабы

Услаждают терзанья твои».

Словно первую фразу услышал,
Остальное влетело без слов...
Все слова пред собою я вижу —
Сведены из цветочных дымов...

Я от них отмахнуться не в силах,
Эта стайка сильнее меня.
И забота о мне в тех мерилах,
Что от Неба идет день от дня.

IV

Под горой с можжевеловой тенью
Отдыхает от зноя спина,
И душа с родниковой купелью
Упоением прохладным вольна.

Воздух полон душистым букетом,
Чуть разбавлен морским холодком,
И с горы каменистым приветом
Вдруг потянет кедровым цветком.

В моей комнате запах ракушек,
Дивных раковин с синих глубин,
Одиноким костюмом отутюжен,
Струн гитарных рутинный токсин.

Опустился легко на подушку,
Сойки где-то на ветках звучат.
Ощутил у себя за макушкой
Незнакомый, чудной аромат...

Весны зеленая душистость,
Цветка и дерева трактат,
Младого чувства шелковистость —
Игривый, пряный аромат.

Ощутил это всё во мгновение,
Опьянел, надышавшись волной.
Цвет в руке бледно-розово-белый
И смеющихся соек прибой...

Море – главная в мире стихия,
Суть и смысл моего бытия.
Глубина – недоступная ныне,
Коль не ляжет на мне чешуя.

А в зеленой тиши отдыхая,
Вдруг робеет морская душа
От неясно ласкающих таен,
От незримой тоски задрожа.

Закат морской

V

На небе солнце, выполнив работу,
Свою жар-птицу выпускает вниз.
Она крылами снимет позолоту
И алым пламенем окрасит бриз.

Прибой и ветер соляным багрянцем
Опустят солнце мягко на волну.
Омоют волны пыль дневную танцем,
И чайки предвещают глубину.

Изысканно красив закат над морем:
Своею величавой красотой,
Дорожкой золотой к вратам в Соборе,
Меж двух глубин – небесной и морской.

На той дорожке, стоя в лодке,
Благая страсть меня несла...
Я слышал мне далекий отклик —
И вмиг бросался за весла...

(Никто еще не добирался
По той дорожке в Сад благой.
Но многий люд на дне остался
Дорожку строить под водой.

Из золотых дней и мыслей здравых,
Стопами праведных идей
Ложится меж пороков ржавых
Дорожка к Богу от людей.

Я знаю лунную дорогу,
Близка поэтам эта твердь.
По ней я уходил к истоку —
Понять, что будет с нами впредь.

На дне морском, в глубинах синих
Веками строится тропа
Руками судеб различинных,
Их в числах доля велика.

Всё больше требует дорога
К ней душ невинных отправлять.
По ней Спаситель из чертога
Придет планету исправлять).

Прошу читателя прощенья
За небольшое отступление.
То было, как бы, в жизни прежней,
Сейчас я тверже и потешней.

Закат на бульваре

VI

Но был закат с другою тайной,
С неожиданной неизвестной явью...
Туманом грез или игрою
Лишил меня тогда покоя.

Тот вечер подарил мне чувство,
Что заселило мою грудь, —
Везде, где раньше было пусто...
Молил – мгновенье растянуть...

Я чаек оставил на море,
Лишь тень поравнялась с веслом,
И крабы мне лодку в раздоре
Едва не свернули вверх дном.

Взбежал домой переодеться,
А сойки мне наискосок.
И никуда от них не деться —
У каждой в клюве тот цветок.

И запах всюду – на диване,
В кровати бросили листву.
Цветы почти во всех стаканах,
Тех, что не спрятаны в шкафу.

В тот день, похоже, ворковали,
Дрожали крыльями хитро,
И аромат парил кругами —
Забыться было суждено.

Вернулся к чайкам на закате —
В тот вечер встречали зарю
На камнях в прибрежном раскате...
А ждали меня наверху...

VII

Иной закат встает в аллее,
На прочных каменных мостах —
Сияет в глянце галереи
В гламурно-розовых тонах.

И море кажется недвижимым,
Безмолвным в шуме площадей.

И зов глубин уже не слышен —
Здесь чародействует диджей.

Внимает прибрежные звуки
Весь праздный, гуляющий люд.
Ступают седые супруги,
Чудную собачку несут.

Гитара аккордами манит
Под свет фонаря и дымок,
Смеющихся девушек ранит
Дурманом вечерний цветок.

Вот вышла красивая пара,
И брызнули ярче огни.
Улыбки друг другу бросая,
Плывут, как две яхты, — одни.

Здесь дамы в вечерних нарядах.
Открытыми спинами их
Любуются парни в окладах,
И я не скучал среди них.

Там музыка всем угождала,
И двери открыл ресторан.
И франтом стоял зазывала,
Он шарики всем раздавал.

VIII

Затихли плавно барабаны,
Пахнули брызгами флаконы...
Под кроной старого платана
Услышал звуки Альбинони

Смотрю куда-то в тень листвы,
Волнуюсь музыкой волшебной,
И вижу образ совершенный
Изящной женской красоты...

Под шляпкой с узкими полями
Улыбка синяя в глазах.
Всё в ней наполнено страстями,
И платье белое вразмах.

Ступала длинными ногами.
Спина открыта, и шнурок

Вкруг талию сжимал нахально,
Округлостям придав видок.

Я на другом краю аллеи,
Ее походкою влечен...
Уже прошла... – движенье шеи...
И взгляд ко мне через плечо...

Прошла плывущею походкой,
Прохожий протянул цветок...
В бликах огней увидел только
Воздушных шариков клубок...

Свежее утро

IX

Утро бризом все сны освежает,
Освещает, что скрыто мечтой,
И желания в явь превращает
Действом магии силы ночной.

И, навеянный свежей отградой,
Голубой пеленой полусна —
Вижу тропку с травой примятой,
Песня тихая близко слышна...

Песня таяла, вновь обнимала,
Сойки вторили ей «соловьем»,
Чудный образ во мне создавала —
Тот, что в небе открылся луной...

Мой ручей забурлил, подпевая,
Я прижал его нежно к камням
И пробрался, листы раздвигая,
На тропинку к цветочным кистям.

У деревьев с большими цветами
Так легко посмотрела Она,
Будто видит того, кого ждала, —
В белом платье с глазами из льна.

В ярком запахе цвета магнолий
Ритмом пальцев без звука плыла
Песня феи под бой колоколен,
Что в груди моей страсть подняла.

Губы чувства ее отражали —
Приоткрыты в желанье немом.
Звуки мягко ронять продолжала
Лишь запястьем в волненье живом.

Повернулась спиной, закружилась,
Брызнув каплями искренних глаз.
И в цветочной пыли растворилась...
Я стою, как стоял – полон фраз...

X

Утомился за мною гоняться
Ранний лучик в моих миражах.

На щеке он решил отлежаться...
Я рукою смахнул впопыхах.

Открываю глаза, на ресницах
От цветенья осталась пыльца...
До сих пор надрываются птицы —
Соловьиный узор изразца...

Расселись все, в восторге клювы,
Воркуют бойко меж собой.
Но слышу я, как будто буквы
И слоги льются чередой.

Па-чу-ли – крылышками брызжет,
Па-чу-ли – вторит клюв другой.
И запах – влажный и землистый,
Древесный, но какой живой!..

В том странном запахе сумели
На звуки всё переложить.
Звучанье песнею пропели —
Любовь вокруг провозгласить.

Что-то нежное в сердце таится —
Будет в море о чем вспоминать.
Будет с чайками чем поделиться,
С морем сверить тугу и понять.

В родниковой воде окунулся.
Чайки дико с тоскою кричат.
Подхватил пересохшие весла —
Сами с радостью к берегу мчат.

Верное море

*Море – это лучшее, что может
случиться с человеком.*

Макс Фрай

XI

Море снова и снова со мною.
Я в томленье счастливом своем.
И поют океанской струною
Волны песню далеких времен.

Как легко погружаюсь я в воду.
Глубже, глубже размахом иду.
Луч искрящий танцует повсюду,
И цветенье в глубинном саду.

В упоенье дышать позабуду.
Вихрем струи зажгут наготу.
Как на суше, в грозу роковую
Небеса до краев распахну.

Бесконечной прозрачностью манит
Глубины перламутровый ряд,
И зовущей красою дурманит
Дев подводных исполненный взгляд.

Они руки ко мне простирают
И, в чешуйчатых платьях скользя,
Ко мне тихо, но ярко зывают
И пленяют лазурью глаза.

А даль прозрачная – такая!..
Как будто рвешься за стекло,
Туда, где явь совсем иная,
Все правы и всегда легко.

Не нужно брать с собой терпение,
Там больше нечего желать.
И только вечное сомнение
Влечет о воздухе скучать.

В этот вечер мой взор на предгорье,
Хоть далёко до камней волне...
Неужель то видение Море
Позволяет мне только во сне?..

В ресторане

ХII

В новом сумраке нежно-лиловом
Был предчувствий томительный рой.
Угождая предвзятости моря,
Я иду к ресторану – «Морской».

На приморском бульваре огнями
Пятна света и красок снуют.
То обрывки улыбок горстями,
То момент поцелуя – в салют...

Лица, платья цветами играют:
Листья стали морской волной.
Красный бархат – зеленой травой,
Орхидеи – оранжевый зной.

Я стою в этом красочном вздоре
С красной розой, одной из всех,
Недоступной метаморфозе,
Не меняющей цвет для утех.

Ожиданием вечер упился,
Ром сегодня товарищ один.
Я в предчувствиях сам заблудился.
Море – сути моей властелин.

ХIII

Пахнуло запахом шафрана,
Движенье желтое свечей.
Тапер играет Мулермана,
Столы наполнены гостей.

Сажусь за столик посвежее,
Гляжу на розу пред собой.
Мой ром позволил горячее
В ней видеть образ неземной.

Но я же знаю, что живая —
Красотка странная из сна...
И вместе с ромом запускаю —
Летит под куполом блесна...

В надменном вздоре ресторана
Из снов подаренных плеед,

Как в строчках старого романа,
Мне показался ее взгляд.

Одна своим презреньем юным
Внимала запаху цветка.
Бокал вина движеньем томным
Касался губ ее слегка.

Смятение казалось долгим...
И вот свершилось – взгляд во взгляд!
Небесно-синие осколки
В меня желанье устремят.

Метелью жаркой закружило
Видений милые холсты...
Волна по клавишам скользила,
И не жалели струн альты.

Тот взгляд, мои мечты лаская,
Шептал пронзительно: «Возьми...»
Влеченьем бубенцы взлетали,
Сам дьявол правил лошадьми.

XIV

Она... Она была со мною...
Теперь я стан ее сжимал,
Касанье губ – само собою,
Я полуслова не сказал...

Нас в танце трепетно сжимало,
Моя ладонь лобзала всё,
Что в белом платье накрывало
Касанье нежное мое.

Круженье воздух раздвигало,
Что свечи гасли на столах...
И вновь объятье настигало,
Как буря парусник в волнах.

Тапер и скрипки отдыхали,
Отбив отменно номер свой.
Стремленьем вальса восхищали,
Вдруг поднимаясь над плитой...

Безумным вихрем взрывов сидра
Бульвар кружил в клубах листвы...
Волна несла к морской палитре
Нам неизвестной глубины...

Ладоней плеск врезался в ритмы,
Цветы и пробки – в потолок...
Очнулись – море, лодка, рифмы
И платья брошенный комок...

Лежали молча, глядя в небо,
Луна смотрела нам в лицо.
А звезды низко – вот облепят...
Блестят цветами леденцов.

Так было чудно, будто снится,
Волной качало и несло.
Нельзя на море заблудиться,
Здесь нет ни леса, ни домов.

И ночь ответила влюбленным:
Накрыла звездным полотном,
Скрепила губы утомленным...
И фей приставила тайком.

XV

Проснулся я перед рассветом
Неведомо какого дня.
Ее улыбка бледным светом
Луны припудрена была.

Она спала. Виденьем дремным
Ресницы отражали страсть,
И нагота едва заметно
Еще блаженствовала всласть.

И платье белое безмолвно
Хранило тайны моих глаз,
И губ, и пальцев, что нескромно
Лишили пуговицы враз.

Она пронизана любовью
И Клеопатрой рождена,
Чтоб удивлять прелестной ролью —
Любить и баловать сполна.

(Непостижимая Джоконда
Заклята всем принадлежать.
Всяк прикоснуться может томно,
С мечтой улыбку разгадать.)

Вокруг всевидящие розы

Нам отдавали лепестки.
Вино поддразнивало грезы,
И ночи были коротки.

Я распахнул окно, и сумрак
Прохладой охладил мой пыл.
Который день мой дух безумный
Глубинам здешним посвятил?

Образ в море растаял, оставив
Лик живой, несравненно красив.
Сумрак медленно, нехотя таял...
Мне почудился чаек призыв...

Гневное море

XVI

Море нахмурилось сердито,
Кричали чайки, схоронясь.
Я видел с берега открытый
Суровый взгляд богатыря.

Волна росла, и пенный гребень
Уже на берег выбегал.
И тучи с двух сторон на небе
Готовят столкновеньем шквал.

Чернеют тучи, скрежет слышен,
И стрелы бьют из-под копыт...
Раздался гром – столкнулись глыбы,
Вскипает вал – и брег накрыт!

Он полон страсти, брызжет гневом.
Прижались к скалам берега.
Сжигают молнии под небом
Всё, что не скрылось в облака.

Стою в расщелине скалистой,
Расселись чайки возле ног.
И будто слышу звук басистый:
«В рожденном морем дышит бог»...

Вдруг чайки клювы повернули
К утесу с выступом во мгле,
Где волны крыла не сомкнули
В бурлящем вихрем вертеле...

Увидел девушку босую
В лазурном платье на ветру,
Лучами молнии рисуют
На нем златую мишуру.

Смотрела в бурю взглядом ясным,
Слеза и море по щекам...
И не было ее прекрасней
Ни волн, ни молний по верхам.

XVII

Большие тучи, сбившись в брызги,
Пролились, и янтарный свет

Открыл в предутреннем изыске
Песчаный, кварцевый браслет.

Вдохнул глубоко полной грудью
Волной нахлынувшую блажь...
Раскинул руки, синей глубию
Наполнен ранний антураж.

Незлобно смотрит, пролетая,
С багровым клювом альбатрос...
Бесстрашно бурю рассекает
Один, не знающий угроз.

Кружатся чайки, скинув с крыльев
Морскую пену, перьев дрожь,
И режут волны без усилья
Под громкий плеск моих ладош.

Та буря розовую плесень
Нещадно смыла с моих вежд.
Рассвет – предвестник новых песен,
И рифм, и строчек, и надежд.

Мой дом

XVIII

Мой дом... мой дом умел дожидаться
Меня из северных морей,
Из глубины, где я скитался
В жемчужных поисках камней.

Он ждал, когда огромным спрутом
Я был настигнут под водой...
Когда баркас волной упругой,
Взрыв небывалой высотой,
На камни брошен был со мной...

Он знал – всегда важна взаимность.
Чтоб жить – люби судьбу свою,
Забыв о сути, и наивность
Любви – всегда прежде всего.

И это было всё во мне.
Я жил как жил, мне было счастьем
Любить – чем жадно я дышу,
К чему стремлюсь я ежечасно.
А смысл и логику вкушу,
Когда накроет тенью властной...

XIX

В огромной толще океана
Нет призраков, и чародей
В нем не шныряет для обмана,
Затем, что нету там людей.

Но жизнь идет, и тоже любят,
Страдают, нежность бережат.
Но ревностью себя не губят,
От злобы зубы не скрипят.

В невероятном откровении
Бушуют водные меха.
Прозрачных мыслей отражение
Не знает сущности греха.

Земные думы и усердия
Закляты душу изводить.
И лишь святое милосердие
Дарует право жить и быть.

И в глубине огонь мятежный
Воспламенит обет смирения...
Вселенский голос Откровения
Воздаст прохладой неизбежной.

Близки мне синие просторы —
Там людям вместе места нет.
Лишь одному сияют взоры
И благо тысячи планет.

XX

Я поднимаюсь по тропинке,
Моей истоптана ногой.
Пред мною шепчутся травинки,
Цветки качают головой...

Вот и они – подружки сойки,
Как соловьи, запели враз.
А солнце только что из койки,
Еще не раскрывает глаз.

А в голове как будто пусто,
Лишь эхо сладких пропастей.
Невероятную разгрузку
Я испытал в плену страстей.

Вам, молодые ловеласы,
Хочу отправить свой посыл:
«Отбросьте мнимые наказания,
Цените случая позыв.

Вы тоже, дядьки седовласы,
Не бойтесь замарать лампы.
Вас казус терпкий уже реже
Поблазнит ягодкою свежей»...

Цвет бледно-розовый, чуть белый,
Меня преследовал с тех пор...
Неугомонный запах спелый
Доступным сделал всё вечер...

Мне предстоит еще очнуться
И не попасть в капкан обману —
В такую бурю окунуться,
Что не подвластна океану!

А сойки мило заливались

Безумной песней соловья,
И хитроумно улыбались,
Лукаво глядя на меня...

Новая встреча

XXI

Прошло шальное наваждение —
Сквозь трубы медные летел...
Испытан страстью отречения —
Любил, сторал и вновь кипел...

Ожог запрячет моя память,
Экстракт событий – без следа.
И только запах неподвзятый
Тревожить будет иногда.

Ведь наша память оптимальна.
Пусть всё гремело и несло...
Лишь обоняние локально
Запомнит, что тогда стряслось.

Я буду помнить дух забвений...
В соленых брызгах пряность губ,
Волос, уставших от сплетений
Горячих пальцев, вдоха глубь...

Я буду помнить запах пенный
Волны, что лодку поднимал
К лаванде звездной откровенной,
Дыханью страсти придавал...

Заката пахнувшая алость,
Прикосновений аромат
Во мне оставят свою сладость,
И соловьи не замолчат...

XXII

Вся мудрость и величье – в море,
И зеркало эмоций в нем.
И слезы пахнут горьким морем.
Все смыслы с ним осознаем.

Море и терпит, и прощает,
И учит этому людей.
Я в нем нашел себя острей,
Другого просто приручает.

Баркас качается волнами...
С востока, будто из глубин,

Тончайших щупальцев лучами
Ласкает небо Властелин...

Вразмах забрасываю весла —
И чайки взмыли второпях...
А на воде уже разостлан
Покров в лазоревых огнях.

Светает, волны мягко гладят
Морскую гальку и песок...
У плёса что-то собирает
Девчонка в желтый туесок.

Ко мне всё ближе, наклоняясь
К ракушке с редким завитком...
Поет, меня не замечая,
Под носом тихим голоском...

Я выпрямил ее за плечи...
Вскричала, чаек всполоша.
Едва укрылся от затрещин,
Блеснула взглядом – хороша!

Рыбачка

XXIII

В ночи от нашего причала
Отчалил сейнер в те моря,
Где рыба нерестом сначала
Свой род продолжит, не хитря.

Седой рыбак прощался с дочкой.
Одну оставил до поры,
Когда вернется с полной бочкой
Отменной розовой икры.

Ей восемнадцать уже было,
И рыбный промысел знаком.
С отцом на лодке выходила,
И чайки гладили крылом.

Волна любила ее с детства,
Носила на себе, скользя.
Она – водинка волн семейства,
И лучше выразить нельзя...

Мечтала девочкой увидеть,
Кто под покровом волн живет.
Глубины стали ей открыты
Со скал, где взгляд ее замрет...

Когда на море штиль ложился,
Высматривала тайны дна,
Глядела пестрых рыб стада...
В воде прозрачной мир искрился.

Однажды в глубине свободной,
Где отражались небеса,
Среди кораллов первородных
Ей показался Синий храм.

Стоял он в белом обрамлении,
В жемчужно-синих куполах.
В нем звон хрустальный в искушение
Рассыпал радостный монах.

В пурпурных стенах из коралла,
В лазурных лентах в волосах,
Морские девы простирали

К ней руки в чистых похвалах...

И замерло ее дыхание —
Там души, родственные ей.
Не одинока в ожидании
Мечты в скалистой вышине.

Однажды, взяв в ладони море,
К светилу руки поднесла.
Вода ушла в лучистом створе —
Соль моря сердцем вобрала.

Морская помолвка

XXIV

Гляжу в глаза: «Да ты рыбачка.
И я с отцом твоим знаком.
Смотри – обрадовалась крачка,
Давай-ка с нами, впятером».

Смотрела серыми глазами
С небесным утренним теплом,
Где синь ушла над небесами,
И только нежность с огоньком.

Две чайки с крачкою, одоблив
Наш новый, дивный экипаж, —
И вот котел уже наполнен
Рыбешкой мелкой на фураж.

Баркас летит, взрезая волны,
И песню вместе мы творим —
О встрече и о чувствах новых,
Что дарит море нам двоим.

О встрече легкой и чудесной,
Простой и близкой до слезы.
Нежданной, но желаньем лестным
Мне берег преподнес в призы.

Волною окатила встреча,
Душа доверилась волне:
Девчонка милая – предтеча,
Морская сказка на земле.

XXV

Отец назвал ее Марина —
Морская дева из глубин,
Творенье моря и гардемарина.
А мне всего тридцать один.

Корма уловом наполнялась —
Кальмар разлегся под скамьей,
И нежно щупальца сжимали
Сырые пальчики ее.

Два краба клешней фехтовали

Она – салакой их мирить...
В итоге оба отбывали
В отдельных ведрах карантин.

Так, за девчонкой наблюдая,
Ее заботливой игрой,
Во мне иное открывалось
Чувство, безвестное, волной...

Она отправила кальмара,
И крабы прыгнули в волну...
И смехом звучным наслаждалось
Всё – от небесного ко дну...

Тут мой баркас зашелся смехом —
Подпрыгнул носом и рванул...
И волны, жадные к потехам,
В завивы пенные свернул...

Им любо извиваться телом,
В тугие косы смех вплетать,
Нагие груди в брызгах белых,
В лучах игристых обнажать...

Корма в безумном хороводе
Волны и солнечного дня,
То словно к глубине уходит,
То вверх выносит второпях...

В какой-то миг Она упала
Мне прямо на руки спиной...
Я обнял стан ее лукаво...
И губы встретились со мной.

А сердце так ее забьется!
Птенец из скорлупы стучит...
И скоро, скоро все начнется...
Пробьется чувство из груди.

Ее рука легла на шею
Безумной нежностью пера...
В тот миг отдал бы, что имею,
За трепет, что зажгла искра.

Заключение

XXVI

Стою у дома, всюду то же —
Платан и сосны у скалы,
Мой двор всё так же не ухожен,
А птицы просят мушмулы.

Но что-то кажется несхоже...
Родник не плещет, а звенит.
И песня иволги ерошит
Души волнение, бередит...
А лепет соек – невозможен!
Какой-то тайною сквозит...

Я думал, навсегда сгорело
То чувство жгучее во мне.
Но это – новое, родное...
Душа блаженствует втройне!

Пусть провиденье в бурю ввергнет
И долго тает тот дурман,
Но всё сильнее и выше гребни,
Волшебней сказочный обман.

Тоска ли там или любовью
Роятся волны дней моих?
Порою страсть немногословна,
Когда окутала двоих.

«О море! Велением зрелым
Я вижу в благой глубине,
Каким чародеем умелым
Мне счастье пришло в полумгле...»

Цветок бледно-розово-белый
Невинно вздыхал на столе...

Иуда – сын человеческий

Поэма

1. Пролог

I

Свой день заканчиваю поздно.
Все спят, за шторами морозно.
Снег тихо ночь благодарит,
Передо мной свеча горит.

Мы молча смотрим друг на друга.
В ней шевеленье мягких губ.
И в пламени я вижу струп
На ране от дневного вьюка.

На шторах птицей села тень,
Она колышется и машет.
Я вспомнил, чем обидел день,
Мой сон о том свече расскажет.

Так очищение души
Я прохожу от хлябей дневных.
Свеча горит... свеча горит.
Душа согретая подремлет.

II

Едва уснул, мне снится ужин,
Пасхальный ужин среди друзей.
Учитель наш, слегка натужен,
Вещал о сущности вещей.

Мои друзья любили дело
И были преданы ему.
Умом, искусностью умело
Воздали Мэтру своему.

Фома – близнец, один в один
Был с Мэтром профиль неизменный.
Иван был умница отменный,
Петр – попечитель медицин.
Иудин Кира – господин
В стратегии непревзойденный.

Мы все – в предвестии успеха.
Любой достойный ученик
Мечтает превзойти на вехе
Наставника, но напрямик.

Но все ж Наставник напряжен.
Ведь в ту, пасхальную, годину
Он был нещадно обречен
Предательством, ударом в спину...

Проснулся я от горьких дум —
Кто это? Я во всех уверен!
Я не позволю клевету...
И вспомнил Тайную Вечерю...

2. На Холме

III

Уж десять дней жара дымилась,
Пыливый воздух стал тяжел.
Ничто внутри не утаилось,
Никто бесследно не прошел.

Слова и птичьи разговоры,
Молитва и застывший плач,
И пакостность собачьей своры,
И пересуды старых кляч.

Тяжелым шаром опускалось
Светило в пламенном дыму,
Багряным светом загоралось
Всё, обращенное к нему.

Всё стало красным перед шаром,
Покорно сжались небеса,
И белый город вспыхнул жаром...
Один – не изменил лица.

Гора, похожая на череп,
Тревожно вздрогнула листвою,
В безумстве огненных феерий
Застыла к городу спиной.

Так в глухоту незримой жизни
В кровавый город ненавистный,
Возникший будто ниоткуда,
Пришел пустынею Иуда.

IV

Ушла жара, гонима ночью,
Прохлада напоила высь.
И дождик ласковой ладонью
Разгладил лепестки нарцисс.

Свежо на утренней дороге,
Свет вдохновеньем наполнял
Друзей в душевном монологе,
Лучом единым осенял.

Учитель раннею молитвой
Гефсиманию освящал,

Толпе беседою невинной
О власти Истины вещал.

Повергла лживых фарисеев
Учеников речей искра.
Всесилен посох Моисеев,
Ликует Елеонская гора.

Петр громогласный и завзятый
И самый умный Иоанн,
Фома, сомнением объятый,
Матфей, неистовый буян.

Земля святая Иудеи
Томилась меньше от жары,
Чем от закланий саддукеев,
Здесь, у подножия горы.

Все верили в приход Мессии,
Который сбросит тяжкий груз.
И Он явился – Сын Марии,
Посланник, Назарей Иисус.

V

По свету странствуя отныне,
Он в Галилее был рожден.
Ученики к седой Святыне —
Оттуда каждый повлечен.

Он стал рассказывать открыто
С улыбкой светлой на лице,
Что смерти нет и Дверь открыта
В свободном, праведном Дворце.

В саду олив Гефсимании
Люд собирався с разных мест,
Дары с надеждой приносили.
Сиял над ними Новый Крест.

Боялся мнительный Каифа,
Под Небом первый саддукей,
Встревожить римлянского грифа,
Что жаждал падали скорей.

Первосвященник мудрый Анна
Не смел Учителя схватить,

Но сделать это нужно тайно,
Чтобы народ не возмутить.

То был Иисус, от Бога гений,
В потомках наполнял страстей,
Коммунистических поверий,
Страдалец счастливых идей.

3. Иуда из Кериофа

VI

Пришел пустынею Иуда
Из Кериофа, фарисеев града.
Красивый, умный, и Гертруда
Ждала его под сводом сада.

Пришел, услужливо склонился,
Хитро прищурил левый глаз,
А правый будто остеклился,
Так и смотрел в упор на нас.

Его лицо имело странность:
Овал в приятном выражении,
Но на виду скупая малость —
Брезгливость было отражение.

Слух догонял его не долго:
Корысть, притворство и обман —
Простых людей была наводка.
И злые – гнали за курган.

Он всюду лез, орал, бодался,
За братьев храбро заступался,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.